Татьяна ЯСНИКОВА (г.Иркутск) **НАРОД ПРОСЫПАЕТСЯ**

Комедия

Трехактная пьеса

Группа заговорщиков борется с врагом России… Основой для пьесы послужили события в Иркутском Доме литераторов… Посвящается году истории в России — 2012-му.

Действующие лица

Горелов Александр Августович, Шурик — редактор, писатель

Доктор — доктор

Алла — жена Горелова

Царица, Львица — подруги Аллы

Петр Аркадьевич — издатель

Дашенька — сотрудница

Сева Сармат, Чернилин, Ломтев, Алевтина Власьевна — общественные деятели

Жора Мутон — директор, детский писатель

Курьер — разносчик телеграмм

Первый акт

Комната в сине-белой гамме, в которой происходит все действие акта. В настоящий момент — кабинет доктора

Сармат — полный, импозантный, бородатый, любит аксессуары.

Сармат. Меня зовут Сева Сармат. Я вытекаю и втекаю. Я начало и конец всего. Истинного имени моего вы не должны знать. (*Уходя*) Должности тоже.

Горелов — полный, пожилой, доктор — без особых примет.

Доктор (*выслушивает Горелова, заглядывает в карточку*). Горелов Александр Августович. Колени не гнутся? Шея болит? Давление? Забывчивость? Вам нужна женщина.

Горелов. Зачем?

Доктор. Не зачем, а срочно. Иначе — не жилец.

Горелов. Доктору так говорить не положено.

Доктор. Хорошо, я вам сейчас выпишу прелаксоглиметорецивицин. Дороговато, зато

положено.

Горелов. Я безработный.

Доктор. Сочувствую. Сейчас выпишу прелаксоглиметорецивицин. Дороговато, зато правильно.

Горелов. Не надо, не надо, подскажите, где женщину взять.

Доктор. Ха-ха.

Горелов. Вы, может быть, дистрибьютор?

Доктор. Что? Сами ищите.

Горелов. Жена уехала.

Доктор. Тем более.

Горелов. Тогда выйдите, доктор, пожалуйста.

Доктор. Что?!

Горелов. Здесь теперь будет кабинет моего друга Петра Аркадьевича, издателя. Ну,

ненадолго выйдите.

Доктор. Хорошо. Пожелание больного — закон. В боулинг схожу.

Доктор выходит, входит Петр Аркадьевич, он несколько старомоден, тезка Столыпина. Садится. Производит некоторые замены на столе, та, чтобы стол походил на издательский.

Петр Аркадьевич. Здравствуй, Александр Августович!

Горелов. Здравствуй, Петя!

Горелов достает из портфеля модные женские туфли.

Петр Аркадьевич. Да я и говорить об этом не стану!

Горелов. О чем?

Петр Аркадьевич. Это мне, известному издателю, предлагают издать книгу никому не известного Сидорова!

Горелов. Сидоров — фамилия довольно известная!

Петр Аркадьевич. Ты считаешь!

Горелов. Считаю!

Петр Аркадьевич. Так что? Издавать?

Горелов. Надо рукопись сначала прочитать.

Петр Аркадьевич. Да это другой Сидоров.

Горелов. Ну, тогда можно не читать!

Петр Аркадьевич. А что, как дела, Александр Августович?

Горелов. Да со здоровьем неважно. От доктора иду. Лекарств навыписывал. А денег-то нет.

Петр Аркадьевич. Да, не говори, печатали бы их чуть побольше! Дочь-то тебе не перечисляет?

Горелов. Жена только к ней в Париж улетела помогать по хате, а я все пропил. Кому бы туфли продать? У тебя нет здесь этого размера женской ноги?

Петр Аркадьевич. Сейчас Дашенька придет. Ее спросить надо. Ей тридцать.

Горелов. Так это возраст, а не размер ноги. Постой — или размер ноги?

Петр Аркадьевич. А!

Входит Дашенька — крошечное существо в бело-голубом платьице, кругленькая, блондинка в кудряшках. Туфли и колготки белые.

Петр Аркадьевич. Здравствуй, Дашенька. Знакомься! Это — Александр Августович.

Горелов. Здравствуйте.

Дашенька. Здравствуйте! Вы мне туфли хотите продать? (*Меряет. Туфли заметно велики*) Ой, как раз! Беру! Вот вам денежки!

Достает пачку долларов, передает Горелову.

Горелов. Они вам и вправду подошли?

Дашенька. Вправду. Парижская мода — это ничего, это пойдет. Это обязательное присутствие того, что давно надоело.

Горелов. В таком случае, у меня есть на продажу еще и платье. Может быть, померяете?

Дашенька. Ну, не могу сказать. У меня на сегодня денег больше нет.

Горелов. Отдадите, когда будут. Завтра, к примеру.

Дашенька. Хорошо, я померяю.

Горелов. Тогда не угодно ли ко мне домой померить? Я здесь рядом живу. Чайком побалуемся.

Петр Аркадьевич. Иди, Дашенька, померяй!

Дашенька. Хорошо, Петр Аркадьевич! Я такая несамостоятельная!

Горелов. Я тебя вот еще о чем хотел попросить, Петя! Квартира-то у меня здесь. Уйди, пожалуйста!

Петр Аркадьевич. Да я и сам вижу, что я где-то не там. (*Убирает свои принадлежности, достает медицинские*). Вот прибор для измерения давления. Вот градусник. Словарь латинский. Может, словарь латинский переиздать?

Горелов. Переиздай, Петя! Но лучше чукотский. Никогда не видел в продаже.

Петр Аркадьевич. Ну, ладно, чего там.

Петр Аркадьевич уходит

Горелов. Хороший человек Петр Аркадьевич.

Дашенька. Не говорите!

Горелов. Чай — это, Дашенька, такой напиток, его заваривают в чайнике.

Дашенька. Не говорите! Давайте, пока чай заваривается, я платье померяю!

Горелов. Верно! (*Достает из шкафа большое красное платье, кидает на диванчик*) А я в соседнюю комнату выйду. Меряйте!

Дашенька снимает платье. Показывается тело в мелкий белый пушок или перышки. Горелов в «соседней комнате» сладко зажмуривается. Дашенька меряет платье. Оно слишком велико.

Дашенька. Смотрите, Александр Августович! Как раз? Идет?

Горелов. Как раз. Идет.

Дашенька. Я вам завтра денежки отдам.

Горелов. Не вопрос. Чаек давайте пить. Заварился!

Дашенька. Скажите зрителям, как чай называется.

Горелов. Это смесь разных чаев. Я по разным пачкам крошек насобирал.

Дашенька. Как вы замечательно придумали!

Горелов. Еще бы! А рюмочку не желаете?

Дашенька. Желаю (*выпивает, поет*). Когда б имел златые горы и реки полные вина…

Горелов. Вы еще и поете! Еще рюмочку?

Дашенька. Спасибо. Не надо. Я больше никаких песен не знаю.

Горелов. Ну, ладно!

Дашенька. Я пойду тогда.

Уходит

Горелов. Как же сделать, чтобы завтрашний день наступил? Как же сделать? (*расхажи вает по сцене*

).

Темнеет. Светлеет.

Горелов. А вот и он, другой день. А я болен и одинок. Но со мной день. Он мне что-нибудь принесет. Значит, я не одинок. А уж не болен подавно. Вчера выпил всего одну рюмку. С утра наврал самому себе. Хорошенькое дело. Так в свинью можно превратиться.

Появляется Дашенька, в том же бело-голубом наряде. Кладет на столик пачку долларов. Горелов вручает ей мороженое. Она ест, он ее раздевает, сладко жмурясь.

Горелов. Чудо в перьях.

Дашенька. Меня с детства так называли. У нас еще во дворе был мальчик, его все называли Ежиком. Но это было не здесь. Далеко. Я приезжая.

Горелов начинает раздеваться. Тут на них падает стена. Появляются уже в одежде. Ставят стену.

Горелов. Да это фальшивка. Пенопласт. Чтобы нам было не больно, когда она упадет. А это еще вчера отвалилось. (*Цепляет надпись: «1-е поликлиническое издательство «С» и «П»*) И все-таки, такая

замечательная поверхность кожи у тебя откуда?

Дашенька. Моя бабушка была замужем за домовым.

Горелов. Как же они зарегистрировали брак?

Дашенька. Бабушка уже очень беременная была. Дала взятку пшеном регистраторше. Она и письмо от дедушки прочитала, что он не может присутствовать на церемонии.

Расчувствовалась. Какое хорошенькое дело эти взятки. Уже давно народ спасают.

Горелов. А вы самая необычная женщина из всех. Мне доктор женщину прописал.

Дашенька. А можно на рецепт взглянуть?

Горелов. Да (*протягивает рецепт*).

Дашенька. Прелаксоглиметорецивицин. Неужели это я?

Горелов. Ты еще лучше. Может быть, по рюмочке?

Дашенька. Да.

Уходят за сцену, откуда раздается: «Когда б имел златые горы…» Смена обстановки. Рабочие проносят разностильную мебель, декорации других спектаклей. В результате обстановка та же.

Сармат и остальные. Чернилин — неуклюж, походка человека, несущего через тайгу куль с орехами поверх горбовика. Ломтев — «молодой человек», аккуратненький, в черном костюме и белой рубашке, при этом широко расставляет ноги, как это делают каратели в кино, важничает. Алевтина Власьевна — маленькая, но повыше Дашеньки, кругленькая пожилая женщина с натуральным румянцем на круглых щечках, стиль «рюс» поверх делового наряда

Сармат (*по телефону*). Алевтина Власьевна, давай опять помиримся. Я хочу с тобой посоветоваться. Я тебя не оторвал от дела?

Алевтина Власьевна (*садится рядом с Сарматом, с телефоном*). Севка Сармат? Да здравствуй! Оторвал, конечно! Я молилась! Щас, погодь, закрою молитвослов. Хотя это грешно, конечно, во время молитвы отвлекаться на суетное. Но я, ха-ха, забыла отключить телефон (*выключает*).

Сармат. Аля! Аля! (*прохаживается, кивает на Алевтину Власьевну*). Отключилась.

Алевтина Власьевна (*включается*). А что?

Сармат. Осудить хотел кое-кого. Публично осудить.

Алевтина Власьевна. А украсть? А прелюбы деять? А убить? А кумира сотворить?

Сармат. Отвечу по порядку. Конечно, хотел. И кумира сотворил. Ты же знаешь. Ты же меня за это ругала.

Алевтина Власьевна. Ругала. Так тебя не ругать, а спасать надо!

Сармат. Спасай, Аля. Запутался я. Приходи. Я на месте.

Алевтина Власьевна. Завтра приду. Не одного тебя, всю организацию спасать надо. Приду. Пока.

Чернилин (*вступает в разговор*). Ну, что, Всеволод! Меня Аля послала. Сказала, чтобы я САМИМ стал. Дело спас.

Сармат (*кисло*). Это в ее репертуаре.

Чернилин. Что это?

Сармат. Она уже много лет про тебя трындит, Чернилин.

Чернилин. Ну, вот видишь. Спасать Россию надо.

Сармат. И я знаю, от кого.

Чернилин. От кого? От Жоры Мутона?

Сармат. Ломтев придет, зараз и скажу.

Алевтина Власьевна. Бердяева читать надо!

Чернилин. Мне все время внутренний голос твердит: Бердяева читать надо!

Сармат. Экий ты отсталый. Бердяева читать двадцать лет назад надо было. Теперь молитвенник читать надо. Да вот мне еще Белянкина рукопись Полянкиной принесла. Тоже читать надо.

Появляется Ломтев

Сармат и Чернилин (*вместе*). Здравствуй, Ломтев.

Ломтев. Здравствуйте. Алевтина Власьевна еще не подошла?

Сармат. Да, Алевтины одной нет. Завтра придет.

Чернилин. До завтра, что ли, сидеть будем?

Сармат. Тебе что? Сиди.

Ломтев. Спасать Россию надо. Погибает Россия.

Сармат. На нас и держится.

Чернилин. Соболя бил. Кабаргу бил. Медведя бил. На мне Россия держится.

Ломтев. Спасать надо.

Чернилин. От кого? От Жоры Мутона? От его замут? Ты уже знаешь?

Ломтев. Не-не-не-не-не! Да это дама одна. Ее осудить надо. Изгнать за пределы области.

Чернилин. Я бы и дальше гнал.

Сармат. Увы!

Ломтев. Хотя бы из двух областей. Нет. За Урал. Лучше за Урал.

Сармат. В старое-то время от нее бы мокрого места не осталось. Пленум жахнул бы ее.

Чернилин. А теперь приходится бороться своими силами. Глаза на лоб лезут. Всю Россию на себе я вытащить должен.

Алевтина Власьевна. Я бы министерство культуры привлекла.

Чернилин. Мне внутренний голос подсказывает, что нужно привлечь министерство культуры.

Сармат. Завтра пойду в министерство. Мой внутренний голос мне то же самое говорит.

Чернилин. Вот ты, Всеволод! Всю жизнь трудился на благо России. А она посмела тебе, тебя, тобой… слов не нахожу.

Ломтев. Она всю Россию опорочила. Помните, она меня восемь лет назад ломтиком обозвала? Тогда Жоры Мутона еще не было!

Сармат. Так надо осудить ее за неэтичное поведение. Начать с малого, перейти к большому. С нами Бог.

Ломтев. Я атеист вообще-то. Я в Госдуму от КПРФ ходил. И прошу это и то не забывать. Нечего поминать Бога всуе.

Сармат, Ломтев, Чернилин. Довела Россию (*Скрипят зубами*).

Алевтина Власьевна. Ладно, другой день настал, и я пришла. Так кого ты, Сарматочка, хочешь осудить? Ее?

Сармат. Ее.

Алевтина Власьевна. Трудно это будет сделать. Действительность изменилась.

Ломтев. Ее нет, действительности. У нашего народа нет действительности.

Чернилин. А что есть?

Ломтев. Большой обман.

Алевтина Власьевна. И от кого он исходит?

Сармат. От нее.

За сценой звучит: «Когда б имел златые горы».

Чернилин. Люблю я русскую песню. Все внутри переворачивается. Так люблю.

Сармат. Широта души звучит в русской песне.

Ломтев. И удаль.

Алевтина Власьевна. Довела Россию.

Чернилин. Удаль?

Алевтина Власьевна. Ты же знаешь, о какой даме идет речь.

Чернилин. Нельзя же о ней и только о ней. Давайте, еще о Жоре Мутоне поговорим!

Алевтина Власьевна. Пока не решим проблемы, все будем говорить о ней. Иначе такие проблемы не решаются.

Чернилин. А о ком вообще-то идет речь? Я никак не пойму. Может быть о королеве Англии?

Сармат. Идем в другое место. Здесь нас могут подслушивать.

Уходят. Горелов с большим чемоданом.

Горелов. Жена приехала из Парижа.

Появляется Алла, величественная высокая женщина, греческий профиль.

Горелов. Скучала по мне? По нашим огурцам и помидорам?

Алла. Что ты имеешь в виду?

Горелов. Ничего… то, что сказал.

Алла. Ничего не понимаю. Действительность изменилась. Я смотрела на Париж, и не было у меня ни ощущения истории, ни тайны, ни красоты. Будто все картонное. Мир стал многосложно лжив. Неужели ложь изменила действительность?

Горелов. Этого не может быть. Действительность — это дома, расположение улиц, вещи. Их изменяет время. Они не только старятся, но и приобретают уверенность в себе, что заставляет людей хлопотать вокруг них и их реставрировать.

Алла. Вот видишь, люди — принадлежность действительности, но что такое они сами? Вот ты и я?

Горелов. Я тебя не обманывал… Богом клянусь!

Алла. Вот видишь! Я и ты — это «я тебя не обманывал». Больше что сказать! Мы с тобой как два здания, что в определенное время суток бросают друг на друга тень.

Горелов. Не надо о грустном.

Алла. Значит, ты согласен.

Горелов. Мне не выдержать такого длинного диалога. Я в возрасте, у меня плохая память.

Распаковывают чемодан. Выпадывают летние наряды больших размеров, пачки евро

Алла. Дочь отправила тебе костюмчик, и подружкам Царице и Львице я наряды купила. Как не порадовать подружек. Девчонками мы о парижской моде и не мечтали.

Приходят подружки Царица и Львица. Полные, высокие, пожилые. Наряжаются за пенопластовой стеной (ширмой). Наряжается после и Горелов. Подружки выходят. Засовывают за бюстгальтеры по пачке евро.

Царица. А так все одеваются в Париже?

Алла. Все! Все!

Царица, Львица. Спасибо, Аллочка! И как тебе удалось это отхватить?

Алла. Там не носят такие большие размеры. Вот и удалось.

Выходит Горелов. Вид значительный и властный.

Горелов. Ну, я пошел.

Алла и женщины. Куда ты?

Горелов. Я забыл. Некуда!

Алла. Как это – некуда?

Горелов. Я могу зайти туда, сюда и еще куда-нибудь. И это будет — некуда! Мне нравится то, к чему мы все пришли. Мне нравится, что нынешнее время ни к чему не обязывает.

Алла. Что с тобой, Шурик!

Горелов. Я счастлив.

Алла. Очнись, дорогой! Так! Иди за ширму, снимай костюм!

Горелов. Не пойду! Дай я буду себе нравиться еще пять минут.

Алла. Быстро за ширму! Царицы и Львицы бы постеснялся!

Горелов. Я – это всё. А всё не может стесняться. Рюмку нальешь, тогда пойду.

Царица, Львица. Что с мужиком стало! А может быть, костюм из секонд-хенда? Глава правительства носил?

Алла. Обижаете! Вон этикетка!

Царица. Да ты извини. Мы не хотели. Не можем понять, что с твоим Шуриком творится.

Алла. Шурик, Шурик! Выпей, пожалуйста! Вот рюмка!

Горелов (*выпивает*). Когда б имел златые горы…

Львица. Влюбился, что ли?

Горелов. В моем-то возрасте?

Алла. Шурик, а где мои туфли?

Горелов. Я их продал. Денег ты мне не оставила. Доктор прописал дорогие лекарства. Я туфли продал, купил лекарства.

Алла. Кому продал?

Горелов. Девушке одной на работе.

Алла. И мое платье тоже продал.

Горелов. Тоже продал.

Алла. Ну что же, хотя бы что-то здесь произошло.

Горелов. Да-да. Что-то типичное. Купил-продал.

Алла (*хлопает в ладоши*). Девочки, я завтра устраиваю праздник по случаю моего возвращения!

Царица, Львица. А что не сегодня?

Алла. Сегодня я еще не совсем вернулась. Я мыслями еще наполовину в Париже. Все вокруг кажется ненастоящим. Картонным.

Горелов. Дорогая, дети рождаются из плоти и крови и в Париже. Твои ощущения напрасны.

Алла. Что ты! Почти уже не рождаются!

Горелов. Постой же! А чувство праздника — оно есть? В Париже, здесь ли?

Алла. Есть. Это чувство, что некуда больше идти. Это очень праздничное чувство. Легко повсюду трепещут флажки и флаги на ветру. Они прикреплены к флагштокам — к государственности, то есть, дают такое ощущение легкости, независимости, свободы.

Царица, Львица. Выпей еще рюмочку, Шурик!

Горелов. Вы же знаете, что у меня после второй рюмки начинается запой!

Прячется за ширмой. Затихает. Появляются Чернилин, Ломтев и Сармат.

Сармат. Здравствуйте, все! Спасать Россию надо!

Царица, Львица. Приветики! Надо, надо! Но как!

Чернилин. Для начала — молитвой «Да воскреснет Бог, да расточатся врази его…» (*чи*

тает до середины и спотыкается
).

Алла. А потом?

Ломтев. Одну даму надо осудить. Мы и пришли к Александру Августовичу с разговором. Нам такое место нужно, чтобы никто не подслушивал.

Алла. А если бы не застали?

Царица, Львица. Он ведь уйти хотел!

Ломтев. Он к нам хотел уйти. В издательский совет.

Алла. Понятно.

Горелов (*появляется из-за ширмы пьяный*). Чернилин, дорогой, как давно я тебя не видел!

Чернилин. Александр Августович! Ты из Парижа вернулся?

Горелов. Из Парижа или из забытья, все равно (*Обнимается со всеми*). Я пошел на работу.

Алла. Куда!

Чернилин. У нас дела важные. Россию надо спасать.

Алла. Спасайте, спасайте! Только чтоб Шурик обратно на своих ногах пришел! От кого спасаете?

Сармат. От дамы одной. Она все развалила.

Алла (*Сармату*). Ты тоже принял на грудь?

Чернилин. Я непьющий! Пойдем, Шурик, дружище!

Женщины (*вместе*). Нет, нет! Лучше мы уйдем, а вы тут оставайтесь. Мы в Дом культуры пойдем на концерт солиста Попоречкина из деревни Попоречкиной. Весь город гудит — классно! Шурика не трогайте! Шурик до работы не дойдет!

Уходят.

Чернилин. Ну, если здесь теперь работа, надо Алевтину вызывать.

Горелов. Куда вызывать! Это мой дом!

Чернилин. Твоя жена сказала, что это твоя работа теперь (*озирается на пачки евро*).

Горелов. С ума сошла девка! Из дома меня выгнала! Может быть, от нее Россию спасать будем?

Сармат. Не от нее! Ошибаешься!

Горелов. Тогда налей. У меня запой.

Чернилин. Давно?

Горелов. Час назад.

Сармат. А с чего?

Горелов. Жена сказала, что моя дочь живет в картонной коробке. Жена сказала, что Париж — ненастоящий.

Алевтина Власьевна.

Ломтев. Мы тут.

Алевтина Власьевна. Жена-то еще не приехала?

Ломтев. Видимо, нет.

Горелов. А я на днях с такой женщиной познакомился! А тут жена приезжает.

Ломтев. Завтра?

Горелов. Сегодня.

Ломтев. Вынужден вас покинуть. Извините, у меня деловая встреча.

Сармат. А это что — не дело?

Чернилин. Может, ты навсегда нас хочешь покинуть (*озирается на пачки евро*).

Алевтина Власьевна. Ну что ты вяжешься!

Горелов. Э-э… дело-то твое на сколько миллионов?

Ломтев. На три рубля.

Горелов. Тогда иди. Главное — не высовываться.

Ломтев. Стараюсь (*уходит*).

Алевтина Власьевна. Мы должны решить, что с этой дамой делать.

Горелов. А вот я, братцы, с такой женщиной познакомился…

Сармат. Это грех прелюбодеяния.

Горелов. Она хорошая.

Сармат. Украл что-нибудь?

Горелов. Да, конечно.

Алевтина Власьевна. Убил?

Горелов. Да.

Чернилин. Ничего себе! Да ладно, это сейчас не главное. Главное — что с этой дамой делать. Вы, как я вижу, народ бывалый.

Горелов. Куда домой?

Сармат. Которая Россию погубила.

Горелов. В первый раз слышу.

Сармат. Ну что ты, Шурик! Тебе одно по одному, одно по одному.

Горелов. Давайте выпьем.

Сармат. Давайте. А потом подумаем. Мы будем пить, а женщины пусть прибирают.

Алевтина Власьевна. Это какие женщины?

Чернилин. Ну, те, которые приехали из Парижа. А Жора Мутон пусть унитазы чистит.

Алевтина Власьевна. Я в таком случае пить не буду. Я уйду (*поднимает с диванчика одно из огромных платьев*). Ничего, какие парижанки! (*Уходит*).

Чернилин. Надо бы Шурика домой отвести.

Сармат. Так он дома!

Чернилин. Забыл! Значит того — уходим! Придут парижанки, а я — медвежатник, таежник…

Сармат. А я-то нет. Я очень люблю женщин.

Чернилин. А ты посмотри, какой размер у этих женщин.

Сармат. Все! Уходим!

Горелов. А я? У меня запой.

Чернилин. Ляг и спи.

Горелов. Постойте! А спасать?

Сармат. Завтра, завтра!

Сармат, Чернилин уходят.

Горелов. Алло, Алло, Алла? Вы на концерте? Ну, как? Вы уж до конца, до конца досидите. Мне доктор лечение прописал. Лечиться буду… Ну, ладно, ладно, это мода такая… Какое подлое время! Э-эх!

Идет за ширму. Появляется Дашенька. Видит чемодан.

Дашенька. Что это?

Горелов (*появляется*). Это жена вернулась из Парижа.

Дашенька. Она что, такая большая? Можно мне уйти, а?

Горелов. Вот и Сармат ушел. И Чернилин. Да я не пьяный совсем. Я притворялся.

Дашенька. Не в этом дело.

Горелов. Мы с тобой, Дашенька, поедем на подледный лов. Самая пора сейчас ехать на подледный лов. Ты увидишь Малое море. Смотри. Вот мушки. Сам навязал. Вот крючочки. Вот блесна из Парижа. Дочь отправила. Приедем на Малое море – чайки кричат, кричат… Поедем?

Дашенька. Поедем. А сейчас я побегу, ладно?

Горелов. Ну, смотри, какие мушечки мохнатенькие! Как ты!

Дашенька. Я белой расы. А они какие-то желтенькие, красненькие.

Горелов. От погоды, от атмосферного давления зависит, на какой цвет мушки пойдет хариус. Ляжешь на лед, поглядишь в лунку, а он там ходит, ходит. Глубина большая, а он будто рядом. Крупный такой.

Дашенька. А на работу?

Горелов. А я на нее не хожу, все равно не платят. Работа ненужная никому, бесполезная, вот и не платят. Я на дому писателем работаю. Я лежу и думаю, а зачем книжки писать? Возьми вон Пушкина и читай. Мне должны платить за то, что Пушкин написал.

Дашенька. То есть, стоит назваться писателем, как уже должны платить за Пушкина.

Горелов. Ну да. Или за то, что я ничего не пишу. То есть вреда никому не приношу. Вот шахтер, к примеру, работает. Сколько он вреда природе наносит? А ему денежки. Мне от них надо хотя бы половину платить. А они государству идут. На злое чиновничье безделье. А у меня безделье — доброе.

Дашенька. Заслушаешься тебя! Пожалуй, с тобой поеду. Я хочу услышать, как чайки кричат. Они, однако, тоже такие же беленькие, как я. А расходы пополам поделим. У меня тоже, как и у тебя, денег нет. Представляешь, сколько лет живу, а у меня только вчера шкафчик для платьев появился. Это когда я у тебя красное платье купила. А у тебя дома — шкафы, шкафы…

Горелов. Это у меня жена директором мебельной фабрики работала до пенсии.

Дашенька. Да? Я все, побежала. Пока!

Горелов. Я же не все еще рассказал. Куда торопишься! Тут друзья у меня были. Они в заговоре.

Дашенька. А ты?

Горелов. А я?

Дашенька. Ну, в чем заговор-то? Свержение существующего строя?

Горелов (*машет руками*). Ну что ты! Что ты! Уничтожение врагов России.

Дашенька (*нюхает цветы в горшочке*). И кто?

Горелов. Какая-то дама. Я был пьян и они не доверили мне ее имя.

Дашенька. Неужели это такая тайна?

Горелов. У меня такое впечатление, что ее имя неважно для нас. Важен принцип.

Дашенька. Я не слишком умна, чтобы это все понять.

Горелов. Да уж, конечно. Мы будем заговариваться без тебя.

Дашенька. А бомбы будете взрывать?

Горелов. Ну, это вряд ли. Хотя Сармат может. А кто ему бомбу даст?

Дашенька. На складе купит.

Горелов. Нет, он не такой, он скорее украдет, чем купит… Я предложу сделать это одним из элементов заговора.

Дашенька. До свиданья, до свиданья. Меня дома детки ждут.

Горелов. Я тебя провожу.

Скрываются за ширмой. Появляется знакомая компания

Алевтина Власьевна. Ходим, ходим! Ушли от Горелова! Не договорили!

Сармат. Надо бы еще Петра Аркадьевича привлечь!

Алевтина Власьевна. Он предатель!

Чернилин. У него холодная голова и доброе сердце. Такие нам нужны, Алевтина!

Сармат. Не забывайте, друзья. У всего мира заговор против России, а у нас — за Россию. Нужно подойти к делу с чистыми руками.

Алевтина Власьевна. Ты на что намекаешь? Я мыла сегодня руки!

Чернилин. И я мыл!

Сармат. Ну, вот. И Петр Аркадьевич мыл! Он наш человек.

Алевтина Власьевна. Что я хочу сказать! Так долго продолжаться не может!

Чернилин. Не может. Слишком долго это продолжается.

Сармат. Наш заговор должен получить широкую известность.

Алевтина Власьевна. Я сегодня же сяду на телефон.

Чернилин. А я буду лично ходить на почту, чтобы отслеживать поступающую для этой дамы корреспонденцию. И телеграф возьму.

Алевтина Власьевна. А кто раньше получал почту?

Сармат. Она.

Алевтина Власьевна, Чернилин. Ничего себе!

Сармат. Нет слов.

Алевтина Власьевна. Это с твоего попущения, Сева!

Сармат. Каюсь.

Алевтина Власьевна. Почаще кайся!

Чернилин. Я, Всеволод, давно стал человеком кающимся. И тебе советую.

Алевтина Власьевна. Такому дураку как не каяться! И ты, Сармат, дурак!

Сармат. Это уже слишком. Но я готов терпеть твои высказывания только потому, что мы сообщники.

Появляется Ломтев.

Сармат. Нашим руководителем будет Ломтев. Он молодой.

Чернилин. Руководителем буду я (*пихает Ломтева*).

Алевтина Власьевна (*пихает Чернилина*). Ну-ка!

Сармат. В чем твоя тайная сила, Алевтина? Я удивляюсь. Люди идут за тобой.

Алевтина Власьевна (*довольно*). Сила у меня не тайная. Явная. Это поддержка Бога.

Чернилин. Молитва — главная наша сила. Церковь — это мое. Я вот, к примеру, два раза в жизни был в театре. Видел пьесу про Чапая. Она мне понравилась. Но церковь мне нравится больше, чем театр.

Ломтев. У нас сегодня издательский совет. Давайте, о Боге потом. Вы знаете, я атеист. Я верю в Россию.

Алевтина Власьевна. А как мы его проведем?

Чернилин. На квартире у Шурика. Скажем ему, что это издательство.

Сармат. Пойдем.

Чернилин. Я бутылку возьму. Вдруг Шурик с похмелья (*озирается на пачки евро*).

Алевтина Власьевна. Начинается!

Чернилин. Ладно, не буду. Он уже, наверное, сам купил.

Сармат. А Петру Аркадьевичу звонить будем?

Ломтев. Придется. Он же руководит советом.

Чернилин. А у нас народоправие. Решения принимаются без руководителя. А руководитель их только выполняет. Но не я. Я буду руководить другой организацией. И только после того, как Россия избавится от этой дамы.

Алевтина Власьевна (*обнаруживает вдруг*). Дак мы и так находимся у Шурика. Только Шурика где-то нет.

Чернилин. Я же говорил — он за бутылкой сам пойдет.

Алевтина Власьевна. А где его супруга?

Сармат. В Париже.

Ломтев. Она снова улетела? Так быстро?

Алевтина Власьевна. Им, богатым, все до фонаря.

Чернилин. Александр Горелов не богатый. Он наш. Видите, за бутылкой пошел.

Ломтев. Да он и не нужен нам здесь. Звоните Петру Аркадьевичу.

Появляется Петр Аркадьевич.

Чернилин. Объявляю заседание открытым.

Алевтина Власьевна. Мы что, тебя уже председателем выбрали?

Чернилин. Я репетирую.

Ломтев. Давайте без лишних формальностей поближе к сути вопроса. Во-первых, эта дама меня оскорбила.

Чернилин. Мы уже слышали это, Ломтев. Расскажи поподробнее.

Ломтев. Это было восемь лет назад. Она обозвала меня ломтиком.

Алевтина Власьевна. Не может быть! Вот свинья!

Сармат. Надо сначала поставить вопрос об ее моральном облике, а потом об изгнании.

Чернилин. Экстактдикции, так сказать.

Петр Аркадьевич. Извините, о ком идет речь?

Алевтина Власьевна. О даме одной.

Петр Аркадьевич. А если поближе к делу?

Чернилин. Она враг России.

Петр Аркадьевич. Вы меня заинтриговали. Неужели все дело в ней?

Алевтина Власьевна. В ней и только в ней.

Петр Аркадьевич. Надеюсь, речь идет не об английской королеве?

Алевтина Власьевна. Еще чего! Скажешь тоже! Шутник!

Петр Аркадьевич. Ну, в таком случае, давайте обсуждать издательские дела.

Алевтина Власьевна. Кстати, вы читали, что она пишет? Это руда, это сырая руда! Это нефть! Это газ!

Чернилин. Как ее земля носит!

Появляется Жора Мутон. Стройный, блондин, лицо глупое.

Мутон. Как! Я смогу лично увидеть врага России? Надо взять автограф!

Петр Аркадьевич. Скажите, наконец, ее фамилию. Так я не могу выносить суждения.

Алевтина Власьевна. Осудить! Это правильно, Петя!

Чернилин. Дать. Дать в морду.

Мутон. Хорошая идея! Я не только возьму автограф, но и дам его сам! Я же писатель.

Чернилин. Ты чо, ты детский, она чо, детские книги будет читать!

Мутон. Дети у нее есть?

Чернилин. Ты чо! Дети врага России прочитают твои книжки и станут друзьями? Так не пойдет.

Мутон. Это ты сам придумал — дать.

Чернилин. Я сказал дать? Как я мог такое сказать! Вспомнил — дать в морду!

Мутон. Но ведь речь идет о даме. У дамы лучше взять.

Чернилин. Ты — возьми. А я — дам!

Мутон. У тебя разве есть детские книги?

Ломтев. Да речь идет о Ручейковой.

Петр Аркадьевич. Надо же! о Ручейковой! Не подумал бы, что такое возможно! Куда Россия катится.

Чернилин. В пропасть.

Ломтев. Я согласен. Даже если в наших рядах творится черт знает что, то что говорить о прочих!

Алевтина Власьевна. А что творится?

Ломтев. Если наш Сармат спал с этой дамой! С Ручейковой!

Сармат. Это… это…

Чернилин. Да?!

Алевтина Власьевна (*хватается за телефон, звонит многократно*). Вы представляете, Сармат спит с этой дамой!

Сармат. Ка… ка… ка…

Чернилин. Как!

Ломтев. А вот так. Позавчера у нас было собрание. Вы представляете! Мой стол в президиуме стоит буквой «С». Столы в зале стоят буквой «П». Я внимательно смотрел. Сармат и эта дама сидели друг против друга и спали!

Чернилин. Ты меня разочаровал!

Алевтина Власьевна. Я полгорода обзвонила!

Ломтев. Как вы не понимаете! Если они вдвоем спали на одном собрании, значит, они всю ночь где-то вдвоем кувыркались!

Сармат. А… а… (*звонит его телефон, хватает*). Женечка! Что звонишь? Я скоро буду! А… а… а… Решила выставить мои вещи за дверь? А… а…

Сейчас буду.

Убегает. Раздается далеко женский визг и грохот.

Ломтев (*довольно*). Один выбыл. Я займу его место.

Алевтина Власьевна. Я же говорила! Ломтев — растущий кадр!

Мутон. Как хорошо, как светло вокруг!

Появляется Горелов

Горелов. Братцы, я не очень трезв. Извините, куда я попал? Домой или на работу?

Алевтина Власьевна. На обсуждение Ручейковой.

Горелов. Как интересно! И что же Ручейкова эта сделала?

Ломтев. Предала Россию.

Горелов. Ну, сейчас многие это делают.

Алевтина Власьевна. В наших силах устроить суд над нею.

Горелов. Я согласен. Я всегда с тобой согласен, Алевтина Власьевна. Ты удивительная. А Чернилин — прекрасный охотник. А про Севу Сармата и говорить нечего — он представитель САМОГО, если будет голосование, я — «за». Я возьму автомат и пойду расстреливать врагов России. Обрез у меня уже есть. Образ врага — тоже. Этой, как ее… Ручейковой.

Петр Аркадьевич. Шурик, проспись.

Горелов. Покиньте мою квартиру, пожалуйста. Я буду спать.

Алевтина Власьевна. Пойдемте, коллеги. В самом деле, явится Шурикова жена. А она женщина суровая и не наша. Мы в Париж не ездим… Петь, а ты?

Петр Аркадьевич (*очень серьезно*). Вы идите, а я вас догоню. Я рюмочку решил с Шуриком выпить.

Алевтина Власьевна. Это уважительная причина. Только мухой.

Неожиданно появляется курьер. За ним незаметно проскальзывает мятый Сармат в подростковой толстовке с яркими синими полосами, чем-то похожей на тюремную.

Курьер. Срочная телеграмма господину Чернилину! Распишитесь!

Чернилин (*читает*). «Поздравляю назначение должность. Извини, узнал опозданием. Обнимаю, целую, жду. Илья Репин». Спасибо! Какое быстрое признание! А Репин это кто?

Горелов. Художник один. Он умер.

Чернилин (*растеряно*). Да… Поздравил и умер? Какая скорбь, когда умирают друзья!

Горелов. Он умер сто лет назад.

Чернилин. А может это его вдова отправила?

Петр Аркадьевич. И вдова умерла.

Чернилин. Свят, свят, свят. Ой, что же это такое! (*курьеру*) А ты ее видел?

Курьер. Кого?

Чернилин. Вдову?

Курьер. Видел. С ней рядом стоял мужчина. Она сказала, что это ее муж и что она хочет отправить ему поздравление.

Мутон. Отправителя телеграммы Илью Репина знаешь?

Чернилин. Отправителя телеграммы…. Опять автограф захотел взять, Жора?!

Курьер. Да. Отправитель телеграммы написал картину «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»

Алевтина Власьевна (*курьеру*). Все, уходи! Достал! Я возьмусь за дело, позвоню на телеграф. Сколько можно! Если за Чернилиным почта, за мной будет телеграф!

Курьер уходит, Алевтина Власьевна звонит

Алевтина Власьевна (*выключает телефон*). Такая женщина в длинном красном платье и стоптанных туфлях. Такое! Это она отправила. Эта дама!

Сармат. Какое кощунство!

Чернилин. Надо вдове показать.

Горелов. Нордман-Северовой

Ломтев. Говорят же — умерла.

Чернилин. Какой ужас! Даже заплакать не сможет!

Алевтина Власьевна. Говорят тебе — этой дамы телеграмма.

Мутон. Безобразие! Это моя должность! В телеграмме идет речь о моей должности! Меня надо было поздравлять! И, по крайней мере, от имени Леонида Ильича Брежнева!

Чернилин. Видите? Что я вам всем давно твержу про Жору Мутона? Видите его лицо?

Ломтев. Мутон не прав! Телеграмма явно отправлена Чернилину!

Алевтина Власьевна. А вы подумайте! Если телеграмма отправлена не Ильей Репиным, то, стало быть, она отправлена и не Чернилину!

Чернилин. Как не мне! Обижаете!

Ломтев. Эта телеграмма не тебе, отправленная не Ильей Репиным. Надо беречь нервы!

Мутон. Я понял свою ошибку! Каюсь! Простите меня! Залепуха вышла! Эта телеграмма была отправлена этой дамой самой себе!

Петр Аркадьевич (*Горелову*). Пойдем, пойдем за бутылкой!

Горелов. Мы за бутылкой!

Уходят за ширму

Ломтев. Внимание! Обстоятельства изменились!

Появляется Дашенька, наряд тот же, бело-голубой.

Чернилин (*нависает над Дашенькой*). Да воскреснет Бог, да расточатся врази его… (*за пинается, молитвы не знает*
).

Алевтина Власьевна. Подожди, Чернилин! Посовещаться сначала надо. Ломтев умный, Ломтев всегда прав. Обстоятельства переменились. Нельзя, чтобы все было так вот быстро. Заговор зашел в тупик.

Ломтев. А я вам говорил. Идемте.

Сармат. А у меня вопрос к тебе, Дарья! Что ты делаешь в квартире Горелова?!

Дашенька. А я, а я зашла спросить, как у него здоровье.

Ломтев. Оставим ее под надзор Горелова. Вон они идут.

Прислушиваются. Уходят.

Петр Аркадьевич. Дашенька, привет.

Горелов (*выпивает рюмочку*). Когда б имел златые горы…

Дашенька. Когда б имел златые горы.

Петр Аркадьевич (*Горелову*). Вот она, Ручейкова.

Горелов (*вскакивает*). Кажется, о ней только что говорили?

Петр Аркадьевич. Да.

Дашенька (*кокетливо*). А кто же?

Горелов. Так надо Чернилину сообщить. Где Чернилин, где Сармат, Алевтина?

Появляются Алла, Царица, Львица.

Алла. Петр Аркадьевич, здравствуй, как давно тебя не видела.

Петр Аркадьевич. Здравствуйте, дамы. Как Париж?

Алла. Да что о нем говорить! У меня другие впечатления. Мне кажется, что человек разумный как вид исчез почти уже! Остались мутанты (*замечает Дашеньку*). Извините, я не хотела!

Горелов. Ее, ее арестовать!

Алла. Что с тобой, Шурик! (*Прибирает чемодан*) Что-то здесь евро совсем не осталось. А было полчемодана…

Появляется доктор.

Доктор. Это мой кабинет. Ничего не изменилось, будто я и не выходил. Вам не кажется,

что действительность стоит, а мы еще ложно движемся?

Горелов. Доктор, арестуйте их всех, пожалуйста.

Доктор. Я — доктор.

Алла. Как это — арестуйте?

Горелов. А что если все выйдут, здесь будут чайки, Малое море?

Доктор. Хорошо, хорошо. Дамы! Выйдем. Ради блага больного. Сходим в боулинг. Только ненадолго.

Все уходят, Горелов остается. Появляется Чернилин в черном. Обнимает Горелова. Сидят, сгорбившись, на рыбацких стульчиках. Слушают крики чаек.

За сценой шум. На сцену выбегает Царица в затрапезном наряде пожилой уборщицы. В одной руке ведро с водой и веник, в другой стул с тремя ножками, потрепанный до предела, ножка в руке. Она ставит ведро. Привинчивает ножку. Садится.

Чернилин (*вскакивает, обнимает Царицу*). Наши люди! Наш человек! Славная женщина! Уф! Пирожками с капустой от тебя пахнет! И потом… конским… Уф! Как хочу есть!

Как зовут?

Царица. Я уборщица теть Фрось.

Чернилин. Здравствуй, теть Фрось!

Горелов. Да как же, Цецилия Генриховна! Вас с женой мы всегда Царицей звали!

Царица. Это я в прошлой жизни была Царица. А теперь я уборщица теть Фрось. Двести лет прошло!

Чернилин. Так что случилось, теть Фрось? Кто тебя обидел?

Царица. Дама эта! Она два стула пыталась из организации украсть! Воровка! Вот, один еле вырвала!

Чернилин. Боже мой! Это мой стул! Я на нем сидел на заседаниях.

Царица (*встает, показывает*). Вот, вот и вот!

Горелов. Мы двести лет здесь просидели мирно. И опять — эта дама!!!

Чернилин. И опять мы мучительно думаем о судьбе России!

За сценой шум масс. Появляется взволнованный Ломтев со стулом в руках. Стул такой же, как у Царицы.

Ломтев. Народ просыпается!

За его спиной встают все мужчины, занятые в спектакле, кроме доктора. Появляется длиннобородый старик в греческой тунике, с фонарем в руке.

Акт второй

Старик (*в зал с вызовом*). Ищу человека!

Присутствующие поворачиваются к нему как один, образуется очередь. Сначала все борются за то, чтобы быть к старику первыми. Однако после тщательного осмотра лица Сармата стариком и его отрицательного покачивания головой очередь успокаивается. Осмотрев всех с тем же видом, включая Царицу, к которой старик приставлял табурет из-за ее высокого роста, старик устало светит в зрительный зал.

Сармат (*начинает стаскивать с себя рубашку и штаны*) А может дальше раздеться?

Старик (*мотает головой в такт фонарю, устало*). Да, да, раздевайтесь все и спите еще. Истина просыпается редко, и вы спите! Я за кулисами пока посвечу.

Уходит.

Ломтев. Мы не хотим спать! Мы молодые!

Царица. Молодые?! Двести пятьдесят лет! Никто до таких лет не дожевывал… не доживал!

Чернилин. А старик? Это же Александр Македонский! Четвертый век до нашей эры!

Мутон. Это — Диоген.

Чернилин. Нет, Македонский! Он грек, а я из греков знаю четвертый век!

Сармат. Ладно! Ты у нас главный. Перепишем Историю.

Ломтев. А издадим у меня!

Мутон. Деньги на издание мне даст министерство! Я тоже — великий!

Чернилин. Вот видите, какой отвратительный человек! И мы вынуждены терпеть его!

Ломтев. Отставить! Наконец-то у нас нашлось дело! Будем не только бороться с Ручейковой, но и переписывать и переиздавать Историю!

Сармат. Ну, в таком случае, я еще посплю. Мне снилось совсем другое издание — мое!

Чернилин. Как я люблю жизнь!

Мутон (*робко*). И я!

Чернилин. А этому бы только свое «я» протащить!

Ломтев. А где же Алевтина Власьевна? Не то без нее, совсем не то!

Сармат. Неужели мы спали без нее! А эта… уборщица вместо нее?

Мутон. Вы как-то двусмысленно выражаетесь!

Петр Аркадьевич. Я долго молчал. Я пытался создать свою философию в сложившихся условиях.

Горелов (*оживляется*). Вот-вот! Скажи-ка, молчальник! Надо за бутылкой сбегать!

Петр Аркадьевич. И я решил молчать дальше!

Все (*поднимают гам*). Молчать лучше во сне! Во сне! Чтобы пережить нынешний исторический период, лучше всем уснуть!

Ломтев. А кто же будет создавать Историю?

Сармат. Без Алевтины ее не создашь. Это — раз. Мы долго спали, надо посмотреть — а может быть Истории уже нет?

Все (*хором*). А что, а что есть и чего не есть?

Горелов. Вот я и говорю — надо наружу выглянуть, бутылку купить.

Сармат. Давай сначала теть Фрось отпустим. Пусть отдохнет. Авгиевы конюшни

почистит. Здесь-то что ей делать?

Чернилин. Авгий — это жеребец?

Петр Аркадьевич. Жеребец, жеребец.

Чернилин. Иди, теть Фрось, дорогая. Я сразу все понял! От тебя потом конским пахло. Иди к Авгию! Отдохни!

Царица уходит.

Сармат. Вы видите! Слова начинают использоваться в противоположном смысле!

Горелов. Ну, давайте уснем, а? За бутылкой, а?

По числу присутствующих вносятся лестницы-стремянки

Горелов и Петр Аркадьевич уходят за уходящими рабочими.

Горелов. Там, должно быть, брешь в стене смысла!

Петр Аркадьевич. А!?

Появляется Микки-Маус — человек в наряде куклы, как это бывает в рекламных акциях.

Все. Кышь! Ты не отсюда!

Кукла убегает. Присутствующие начинают карабкаться на лестницы. Пока все взбираются, Чернилин проделывает это три раза.

Сармат. Вот теперь можно увидеть дальние перспективы.

Ломтев. На нас кто-то смотрит. Их много.

Мутон (*с иронией*). Это шизофрения.

Чернилин. А я вот там вижу воротник из моего соболя. Я убил его двести лет назад. Полтайги пришлось спалить из-за этакой заразы. Этот воротник — мой?

Сармат. Мы должны сначала узнать, в каком времени эти перспективы. В прошедшем, или в настоящем.

Мутон (*робко*). В будущем.

Чернилин. Я бы еще поспал в ожидании будущего.

Зевают. Появляется старик с фонарем. За ним двое рабочих вносят куклу — Дашеньку. Сажают по центру от лестниц.

Сармат. Кого-то завезли.

Ломтев (*оживляется*). Это же враг России!

Чернилин. Чой-то неживая… Неживая!

Сармат. Мы люди власти. Мы должны плевать в маленького человека! (*смачно плюет в куклу Дашеньку*) . Нами все схвачено.

Смотрит вверх театральной сцены. Все сидящие на лестницах тоже, едва не падая.

Чернилин. Трудно удержаться у власти.

Ломтев. На власти!

Мутон. На острие вертикали!

Чернилин. А вот там, я заметил, не все схвачено! Болтик выпал! Как же вкрутить! Кем?

Ломтев. Да… Народа-то нет! Всех съела враг России!

Мутон. Раньше народ крепко стоял на земле! А теперь народ — мы! Я — русский офицер. Слово чести! Плюнуть в женщ… Плюнуть во врага России — мое первое дело (*плюет в куклу*).

Сармат. А вы знаете, кто у нее дедушка был? Знаешь, Чернилин?

Чернилин. Чемберлен? Чомбе? Челентано?

Ломтев. Герберт Маркузе? Садам Хусейн?

Сармат. Домовой.

Ломтев. Ну, это не по-людски.

Чернилин. Это не по-христиански.

Сармат. И он письмо написал. Со всем своим семейством…

Ломтев. Турецкому султану?!

Чернилин. И турецкого султана за это сняли с должности. Так значит, у них весь род такой! И дедушка тоже был враг России!

Сармат. А султан?!

Чернилин. А султан… со всей ответственностью — это такое украшение на голове коня. Теть Фрось!!! Ладно… Вот султан сошел с коня и пошел…

Мутон. Это у Гоголя Нос гулял по Невскому.

Ломтев. А мне кажется — Ухо и Шинель.

Мутон. А может — горло!!!

Чернилин. Жора, Жора, давай, иначе. Мы с тобой одна команда!

Мутон. Понял! По вам, эй ты, внизу, тюрьма плачет, так как ваше поведение возможно сравнить только с поведением прожженной воровки. А ваше поведение однозначно подтверждает ваши высказывания о том, что вы ведьма, и можно сказать, что вы вообще сатанистка, а еще прикрываетесь тем, что вам за ваши действия ничего не будет, нашли чем афишировать, что вы в психушке на учете состоите. Это у вас по всей видимости не болезнь, а сатанизм в голове. Заметьте! Я говорил это без лишней эмоциональной нагрузки.

Чернилин. Ну, идиотище!

Сармат. Ты что! Великие слова! От лица САМОГО награждаю Жоржа Ивановича Мутищева литературной премией имени Ивана Бунина! Великого классика.

Балансируя на лестницах, деятели пожимают руку Мутона.

Мутон. Я наполняюсь счастьем. Как хорошо, братцы, на острие вертикали!

Чернилин. Идиотище!

Мутон (*приподнято*). Два стула-то — украла?!

Ломтев. Молчит.

Мутон. Ей нельзя давать в руки документы. Она может их сжевать.

Чернилин. Ты о чем? Главное, чтобы наша История не попала ей в рот!

Сармат. С такой приятно и мягко спать. Люблю женщин.

Ломтев. Я же говорил! Они переспали! А вы мне — карьерист, карьерист, Сармата подсиживаю…

Сармат (испуганно). Только Женечке не звоните.

Чернилин. А да как мы. Алевтины-то нет. Теть Фрось я полюбил. А вы.. друзья называется… Эх! Пирожков бы с капустой!

Сармат. Я предлагаю ее расстрелять!

Начинают шатко кружиться и смотреть вниз, перемещаясь с лестницы на лестницу.

Ломтев. Всеволод! Лучше бомбу! Вы забываете — она меня ломтиком назвала. Причем дважды!

Мутон. Вот это да! А мы все считали, что единожды! Дважды — это беспредел!

Чернилин. Сева, ты же представитель САМОГО! Ты все можешь достать!

Сармат. Тогда может, атомную бомбу?

Чернилин. Давай атомную бомбу!

Появляются Петр Аркадьевич и Горелов. Горелов заметно пьян. Поют «Когда б имел златые горы»

Мутон. Умные люди вернулись!

Горелов (*пьяно*). Проблема сингулярности ярко выражена в этой обри-виатуре.

Сармат. Что? Алевтина?

Горелов. Просилась — не взяли. Лестницы для нее нету! Я… внизу посижу. Ой!

Натыкается на куклу Дашеньки, быстро карабкается наверх.

Петр Аркадьевич. На воле я увидел волю. И никакой Истории. Трава. Свежесть.

Ломтев. Надо скорее делать и издавать Историю!

Горелов (*кричит*). Усы подпалю! Брысь!

Чернилин. Налейте еще моему большому другу Шурику.

Мутон. Нельзя. Упадет.

Чернилин. Да. Это безнравственно. Внизу — враг России. Я бы тебя не послушал, Мутищев. Но внизу — враг России.

Горелов (*оживляется*). Ну, одну каплю!

Ломтев. Ты упадешь — а кто будет редактировать Историю?

Петр Аркадьевич. Понимаете, друзья, на примере этой куклы я вижу как отлились народные переживания. Она — нежная, мягкая, на ней небесно-голубое платье с белым воротничком-облаком. Это — порыв народа к высокой свободе, небу, чистоте.

Чернилин. Ты чо, ты чо, Петр!

Мутон. Интересно! Враг России — Свобода.

Под музыку вальса «Дунайские волны» появляется, кружась с бокалом, Алевтина Власьевна. Исчезает.

Сармат. Аля!!!

Падает на куклу. Падают все, исчезая в кукле. Клубок, вихляя, укатывается. Снова появляется Алевтина Власьевна, все так же кружась в танце и выделывая балетные па.

Алевтина Власьевна. Теперь-то все и начнется!

Собираются действующие лица. Чернилин, Сармат, Ломтев отфыркиваются и чихают.

Чернилин. Я получил телеграмму!

Сармат. Какую телеграмму, Чернилин?

Чернилин. Ну, с того света! Двести лет назад. А если это правда!

Ломтев. За двести лет правда измениться не может!

Петр Аркадьевич. Правда стоит, а время ее обтекает? Время ушло вперед, а правда осталась в прошлом?

Сармат. Ты, Петр, как всегда! Где же мы сейчас? Я не чувствую присутствия времени.

Петр Аркадьевич. Но ты жив, безусловно жив! И совсем не изменился.

Сармат. Я — сама правда!

Петр Аркадьевич. М-м… М-м-м-м… М-м-м-м. Скорее — представитель САМОГО.

Сармат. Вот видите!

Петр Аркадьевич. Безусловно, мы вне времени. А пространство — ненастоящее…

Ломтев. Мы в вечности!

Алевтина Власьевна. Ой!

Чернилин. Это она, это она виновата — враг России!

Сармат. Надо что-то предпринять. Мне много что надо, а здесь мало что есть!

Горелов. Там трава. Свежесть. Там нас не хватает. Надо создать Историю.

Чернилин. Ее автором буду я. Но для начала обозрим перспективы. Алевтина, забирайся на точку Петра Аркадьевича.

Забираются на лестницы. Старик с фонарем и двое рабочих снова приносят куклу Дашеньку. Уводят растерянного Петра Аркадьевича.

Ломтев. А вы опять забыли обсудить, что она обозвала меня ломтиком! И не один, а два раза!

Чернилин (*растерянно*). А прежде ты говорил — один!

Ломтев. А вот нет: через двести лет я понял — два!

Сармат. Во все поверишь, когда так долго поживешь.

Чернилин. А телеграмма — важнее!

Алевтина Власьевна. Ломтев! Телеграмма — важнее! Чернилина в обиду не дам. Чернилин — наше второе ВСЕ, после САМОГО.

Ломтев. История начнется с суда над Историей. Что она отправила телеграмму.

Чернилин. Пишите: «История в красном платье и стоптанных туфлях отправила мне телеграмму с того света, что подтверждают телеграфисты». Далее: «Чтобы скрыть этот факт, История надела другое платье».

Мутон. «Она сделала это, потому что она ведьма».

Сармат. Подсевала!

Чернилин. Мутант!

Мутон. Я вообще-то подполковник ВВС.

Алевтина Власьевна. Охренеть!

Чернилин. Надо исправить Историю. Опять же, горбатого могила исправит. Загнобить?

Горелов. Там трава. Солнце. А что если там есть, на кого поохотиться?

Чернилин. Это то же самое, что загнобить. Охотиться будем. Но пока на Историю. Меха простые недолговечны. Вон — видишь перспективу? Ее проела моль. Это мое открытие.

Алевтина Власьевна. Историю — на воротник?

Чернилин. Да! Продать.

Сармат. Мне с вами решительно скучно. Я люблю женщин.

Алевтина Власьевна. Так вот я, Сева!

Сармат. Я люблю много женщин.

Алевтина Власьевна. Ничего себе!

Сармат. Каюсь, но люблю. И потом, я представитель САМОГО. Мне все можно.

Горелов. Можно-то можно. А где оно, настоящее, подлинное? Я прочел столько классики, а сам всю жизнь работал с одним ненастоящим.

Мутон. Я — классик, получивший премию имени Ивана Бунина, со всей ответственностью заявляю, что настоящее — в прошлом.

Алевтина Власьевна. А что сейчас?

Мутон. Настоящее — отсутствует. Мы поклоняемся фальсификации. Как классик говорю.

Ломтев. Она дает движение! Жизнь! Фальсификация — это святыня. Она — над, она — в нас и под нами. Я, атеист, работаю с Великим Ненастоящим.

Сармат. Круто!

Алевтина Власьевна. Ну, задачка! Раньше святым был Бог.

Чернилин. Сказано же было когда-то — действительность переменилась.

Горелов. А мы не спим опять? А?

Мутон. Это только Петр объяснить может. Что-то не ладится. Сначала не было Алевтины. Теперь нет Петра. Неужели число мест в Истории ограничено?

Сармат. Ты же видел. Мы все в нее провалились. Нам было тесно. Она пошита на троих.

Ломтев. Я не понял! А где враг России?

Чернилин. Вон.

Ломтев. Давай разделять. От той духами пахло. От этой нафталином.

Мутон. Я, уважаемые коллеги, задумался: а почему у России всего лишь один враг? Это непатриотично. Нам всегда говорили, что у России один друг — это она сама себе. А враги все остальные. Ну, поищем еще, а?

Сармат. Все верно. Я ухожу. У меня подозрение, что Петр Аркадьевич там резвится.

Алевтина Власьевна. Я за справедливость. Не позволим.

Чернилин. Я должен проконтролировать, как он резвиться.

Ломтев. Я молодой. Я тоже пошел на траву.

Мутон. Я тоже.

Горелов. А я выпить захотел.

Все слазят с лестниц и уходят.

Алевтина Власьевна. Сейчас там начнется.

Слазит и убегает. Лестницы выносят. Вносят стол, посуда серебряно-золотая, кувшин с вином. Появляется старик с фонарем. Освещение таинственное, «рембрандтовское». Старик оказывается Петром Аркадьевичем.

Петр Аркадьевич. Дашенька, выходи!

Расстегивает куклу. Дашенька выходит. Петр Аркадьевич подает ей руку, усаживает за стол. Вносят курицу на подносе, с запахом, уплывающим к зрителям.

Петр Аркадьевич. Я об этом столько лет мечтал!

Дашенька. Двести десять? О том, чтобы поесть?

Петр Аркадьевич. Да! И о том, чтобы с тобой поесть мечтал! Ты единственная в своем роде!

Дашенька. Да. Я так единственно хочу поесть!

Петр Аркадьевич. Я только тебя увидел, сразу почувствовал себя голодным.

Дашенька. Ой, да что вы!

Петр Аркадьевич. Мне захотелось осетрины. А принесли курицу. Всегда так. Мучаешься. Страдаешь. Столько событий. А приносят — курицу.

Едят очень аппетитно.

Дашенька. Это точно. Пшена теперь не подают… А вы не знаете, Петр Аркадьевич, зачем на меня пижаму надевали?

Петр Аркадьевич. Пижаму? А ты не голенькая ли была?

Дашенька. Да нет. Я шла в закулисах, а два парня меня хвать, и нарядили. «Мы кукловоды», — сказали. Одного звали Леша.

Петр Аркадьевич. А второго — Кеша? Так это не кукловоды. Это — рабочие сцены.

Дашенька. Ну, все-таки, Петр Аркадьевич, зачем?

Петр Аркадьевич. Они врага России искали.

Дашенька. И как?

Петр Аркадьевич. Ну, вот тебя и спрятали в пижамку.

Дашенька. Ничего не понимаю. А врага-то нашли?

Петр Аркадьевич. Нет… А ты не находила, Дашенька, там, в пижамке, Аллу и Львицу? Шурик сказал, что они пропали.

Дашенька. Так это их пижама! Я поняла, отчего она была мне так велика! Кеша и Леша еще бегали за женщиной с ведром и кричали: «Цецилия Генриховна!» А она сердилась, бренчала ведром и говорила: «Я теть Фрось!» И тогда Леша и Кеша на меня пижаму надели! Вот они что? Без глаз?

Петр Аркадьевич. Не бойся, они далеко.

Дашенька. А вы не наблюдали, Петр Аркадьевич, непонятную суету?

Петр Аркадьевич. Наблюдал.

Дашенька. И что поняли?

Петр Аркадьевич. Ничего.

Дашенька. Я сильная и бесстрашная. Со мной никому не справиться.

Петр Аркадьевич. Это в каком смысле?

Дашенька (*кокетливо*). Ну, в таком.

Петр Аркадьевич. Ты бы так не говорила. Услышит еще кто.

Дашенька. Никто не услышит. Нас же двое.

Петр Аркадьевич. Что же мы будем делать, когда поедим?

Дашенька. Не думайте о голоде. Мне от бабушки и дедушки столько круп в наследство досталось! А вот что теперь будет с зарплатой?!

Петр Аркадьевич. А давай теперь ты меня на работу примешь и будешь мне крупой выдавать.

Дашенька. А что вы умеете делать?

Петр Аркадьевич. Готовить. Я прекрасно варю кашу.

Дашенька. Я подумаю.

Петр Аркадьевич (*жует*). Я, говоривший мало, пришел к выводу, что говорить надо поменьше.

Дашенька. Может быть, отпустим зрителей? Они тоже так проголодались за эти двести лет и три дня.

Петр Аркадьевич (*с набитым ртом*). Они не трудились. Они не состоят в издательском совете. Я против …

Дашенька. Посуда такая красивая!

Петр Аркадьевич (*с набитым ртом*). Эта посуда историческая. Подлинник. Алексея Михайловича Тишайшего.

Дашенька. Красивая фамилия! Так отпустим зрителей поесть?

Вносят блюдо капусты, очень красиво украшенное.

Дашенька. Сколько капусты! Столько в пирожках не бывает!

Петр Аркадьевич. По правилам надо, чтобы все участники Истории раскланялись перед зрителями. А они сейчас очень далеко. Пусть зрители еще двести лет посидят.

Дашенька. А я хочу их отпустить!

Дашенька, нарядно одетая, встает, подходит к краю сцены, раскланивается. После чего снова садится за стол, едят, пока не уйдет последний зритель. К ним присоединяются, по возможности, прочие участники. Из театрального буфета ароматно пахнет курятиной.

Третий акт

Пустая сцена. Пустой зал.